

телю могут показаться непристойными. Надо, однако, помнить, что для Таллемана, для его эпохи, для его окружения подобное отсутствие стыдливости было связано с той реабилитацией плоти, которая являлась реакцией на аскетизм средневековья. «Таллеман не смакует непристойные анекдоты, — замечает Алтуан Адап, — он простодушно пересказывает их. Разумеется, он при этом смеется, но так же, как смеялись его друзья Патрю, Фюртьер, Мокруа, Лафонтеп, пересыпая свои беседы вольными выражениями. Никто из них не отличался скромностью, и любимцами их были мэтр Клеман и мэтр Франсуа (т. е. Клеман Маро и Франсуа Рабле, — Т. X.), которые тоже ею не отличались».¹⁰

Анекдоты, касающиеся интимной жизни, приводятся Таллеманом по ради любви к силетням, а потому, что именно в этой сфере жизни больше чем где-либо проявляется, с его точки зрения, истинная сущность человека. Говоря о любовных шалостях Генриха IV, он с явной симпатией подчеркивает в нем раблезианское жизнелюбие, непосредственность, примоту натуры, в то время как в перипетиях истории страсти кардинала Ришелье к королеве Анне в полной мере раскрывается его коварство и лицемерие.

Истории, посвященные монархам, правителям Франции, идут вперемжку с историями об их приближенных и подданных, независимо от какой бы то ни было «табели о рангах». Тем самым Генрих IV, Людовик XIII нивелируются до уровня обыкновенных людей с их достоинствами и недостатками, с их человеческими слабостями и причудами.

«О Генрихе IV, Сюлли, Ришелье, о тех, кто был до него, он собирал лишь крохи»,¹¹ — писал Сент-Бёв с некоторым осуждением. Но «собираемые крохи» в какой-то мере носило у Таллемана программный характер. В предисловии к «Занимательным историям» он предупреждает, что не намерен касаться того, «что можно почерпнуть в опубликованных исторических сочинениях и мемуарах», а говорить будет «о хорошем и о плохом, не скрывая правды» (5). Таллеман, таким образом, как бы ставит своей целью дополнить официальную историографию своего времени такими материалами, которые «гласности не подлежат», и тем самым противопоставляет ей эту правду.

«Привычка видеть королей, сопровождаемых охраной, должностными лицами, барабанщиками и всем, что рождает у людей почтение и страх, приводит к тому, что когда подданные видят короля без этого окружения, они продолжают испытывать все то же почтение и страх, ибо уже не в состоянии отделить в своем сознании его личность от всего, что его обычно окружает».¹² Эти слова Паскаля не могли быть известны Таллеману, писавшему свои «Historiettes» почти за четверть века до выхода

¹⁰ [Adam A.] Op. cit., p. XXIV.

¹¹ Sainte-Beuve. Op. cit., p. 188.

¹² Pascal. Oeuvres complètes. Paris, 1954, p. 4163.